

Лу Синчжи взглянул на синяк, оставленный иглой, и кивнул. Кожа Цзян Яо действительно была нежной, она легко могла покрыться синяками от простого анализа крови. Кроме того, казалось, что она боялась боли больше, чем другие девушки. Цзян Лэй однажды сказал ему, что она такая нежная, что заплачет, даже если ее палец уколет швейная игла.

Поэтому раны, которые она перенесла на этот раз, были, вероятно, самым болезненным опытом, который она когда-либо испытывала в своей жизни.

— Больничный халат выглядит нормально, но моя одежда еще лучше. — неловко объяснила девушка. — Более того, я знаю, что со мной все в порядке и что меня наверняка выпишут сегодня днем. Я все равно собиралась переодеться, так что разве не лучше сделать это сейчас?

Лу Синчжи кивнул и усмехнулся. Очевидно, девятнадцать – это возраст, в котором девушки начинают больше беспокоиться о своей внешности. И Цзян Яо не была исключением.

Однако он не знал, что она будет наносить макияж только для любимого мужчины. Вот почему Цзян Яо особенно позаботилась об этом перед ним.

Летнее утреннее солнце светило достаточно ярко, но было не так душно, как в полдень. Выйдя из палаты, они прогулялись по больничному корпусу.

Больница была местом, где праздновали рождение ребенка, лечили стариков и больных, а для некоторых людей это было место, где они проводили последние минуты своей жизни. Это было место, где прощались с прошлым и приветствовали будущее. Вот почему она всегда была занята и переполнена разными эмоциями людей из всех слоев общества.

В больнице вы с первого взгляда можете видеть чувства людей и узнать тех, кто только что расстался со своими близкими.

Цзян Яо отвела взгляд от окружающих ее людей, и, повернувшись, посмотрела на Лу Синчжи. К ее удивлению, он тоже смотрел на нее, и их взгляды встретились. Внезапно Цзян Яо вспомнила слово «молчаливо» и улыбнулась мужу.

Мужчина резко остановился. Возможно, ослепленный солнцем или ошеломленный великолепной улыбкой, которую она подарила ему, Лу Синчжи забыл обо всем и просто стоял, глядя на нее.

Как и предсказывала Цзян Яо, доктор велел медсестре отдать ей лекарство после обеда и сообщил, что ее можно выписывать.

Лу Синчжи сказал Цзян Яо подождать его в палате, пока он позвонит домой. Он попросил

прислать шофера, чтобы тот забрал их из больницы. Погода была невыносимо жаркой, и он не собирался позволять своей жене подвергаться воздействию солнечного света, потому что ее пот мог удалить мазь с ее спины.

После выписки Цзян Яо почувствовала себя помолодевшей. Она не была поклонницей больничного запаха или слишком узких кроватей. Лежа рядом с ней, Лу Синчжи не мог даже выпрямить ноги.

Водитель привез их в дом семьи Лу в городе.

Чжао Чжуанцзуна поймали, и полицейские приехали, чтобы арестовать его. У семьи Чжао не было времени посетить город, так как они, вероятно, были заняты тем, чтобы пытаться вытащить Чжао Чжуанцзуна из тюрьмы.

Родители Лу Синчжи и четверо членов семьи Цзян ждали в доме. Цзян Яо встретили с распростертыми объятиями, как только она вошла. Цзян Лэй даже не мог дожидаться, чтобы обнять свою младшую сестру и проверить, не потеряла ли она несколько килограмм после этой трагедии. Если бы Цзян Яо было четыре или пять лет, Цзян Цзе и Цзян Лэй обязательно попросили бы показать им ее раны. Только тогда они могли бы перестать беспокоиться о ней.

— Удача на нашей стороне! Удача на нашей стороне! Наша Яояо будет благословлена удачей после этого несчастья! — госпожа Цзян держала дочь за руку, желая ей много благословений. Она даже побрызгала на нее кипяченой водой из шкурки помело. Она верила, что, сделав это, сможет прогнать всех злых духов и людей. Это было одно из верований жителей деревни, и Цзян Яо не избегала этого. Она только поклонилась и по-медвежьи обняла женщину после того, как та закончила ритуал. — Мама, тебе не о чем беспокоиться. Я в порядке.

— Прекрасно! Отлично! Отлично! Как это может быть хорошо? Ты чуть не довела меня до сердечного приступа! — Цзян Лэй поднял руку и собирался ударить сестру по голове точно так же, как он делал это в детстве, когда выговаривал ей за шалости.

Однако парень почувствовал убийственную ауру после того, как поднял руку. Он оглянулся и увидел, что его шурин смотрит на него, как свирепый тигр. Цзян Лэй немедленно убрал ладонь и попытался замаять произошедшее, неловко почесав голову.

<http://tl.rulate.ru/book/40753/1238873>